

АННА
ДЕТЕКТИВ
ПО ФРЕЙДУ

ДАНИЛОВА

БРОНЗОВОЕ

Она вошла в квартиру поздно уже
и была в ней группа бездомных...

ОБЛАКО

Анна Данилова

Бронзовое облако

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183822

Бронзовое облако: Эксмо; М.: 2006

ISBN 5-699-18912-2

Аннотация

Герман в канун Нового года видит кошмарный сон. Старинная усадьба, звуки прекрасной музыки, повсюду празднично одетые гости. И все они спят вечным сном в комнатах, поражающих роскошью. Жуткие грезы оборачиваются реальностью: семь убитых человек на самом деле лежат в разных частях дома, залитые кровью. Оглушенный происходящим, Герман бродит по этажам, пытаясь избавиться от многочисленных трупов и понять, кто эти люди и как он сам здесь оказался...

Содержание

1	5
2	19
3	30
4	42
5	57
6	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Анна Данилова

Бронзовое облако

Дорогой писатель Андрей!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое вечное счастье!

Читайте, познавайте и
испытывайте удовольствие от
книг! И творите сами!

Анна Данилова (франц.)

1

Усадьба

Он проснулся в неудобном низком и глубоком кресле, сложенный, словно тряпичная мягкая кукла, и сразу понял, что попал в свой очередной фантастический сон. Повсюду горели тысячи свечей, которые отражались в узких, до пола, зеркалах, играли, переливаясь, в хрустальных сосудах, небрежно расставленных вдоль длинного, устланного нарядной скатертью стола, и в сосудах этих рубиново поблескивали или наливались золотом напитки, а в богатой фарфоровой посуде жирно лоснились салаты и прочая закуска... Пахло едой, горячим воском, пылающими в беломраморном камине дровами и еще, слабо, – духами... Слух же ловил ускользающую фортепьянную россыпь шопеновского ноктюрна. Где-то далеко, возле окна, наглухо зашторенного малиновыми бархатными занавесями, широко расставив три крепкие свои, короткие ноги, устроился вычурный уродец – черный, глянцево поблескивающий отраженными свечами рояль, за которым сидела женщина в черном же платье и с рыжими тусклыми волосами. Спину она держала прямо и, казалось, о чем-то задумалась (Герману не было видно ее лица), да и руки ее были как будто без движения, однако звуки она извлекала с завидным мастерством, и ее игра облагора-

живала весь сон, все это волшебное зрелище...

Герман пошевелил ногами, вздохнул и сделал попытку подняться, но, от природы худой и легкий, он, однако, не сразу смог покинуть вязкий кокон кресла, ему удалось это лишь с третьей попытки. Он любил свои сны и наслаждался ими самозабвенно, чаще всего осознавая, что это именно сон, а потому все, что в нем происходит – с ним ли, с другими, – останется безнаказанным и бесследным, что утром он проснется и от сна хорошо если останется лишь ворох впечатлений, картинок, ощущений, обрывки волшебных, упительных галлюцинаций. В детстве ему часто снились клады, он вырывал их из черной холодной земли, извлекая чудесные ларцы и шкатулки, счищая с них грязь, отпирал их каким-то невообразимым образом, распахивал, и сердце его неистово колотилось при виде сокровищ: неперменных жемчужных бус, массивных золотых перстней и тяжелых желтых монет... Все это добро он всегда, так уж повелось, складывал во сне на своем стуле, возле кровати, с тем чувством, чтобы, проснувшись, непременно их там обнаружить. Утром было невыносимо видеть стул с аккуратно сложенной на нем одеждой, и ни монетки, ни бусины... Стул словно пожирал его сокровища, вбирая в себя и жемчужный блеск сокровищ, и горьковато-сладкий дух детских приключений...

Он знал, что стоит ему сейчас пройти по этой огромной праздничной, похожей на балную залу, как все будет к

его услугам: и сытная приторная еда, и густые, какие бывают только во сне, вина, и теплый воск свечей, который он будет разминать пальцами, вылепливая миниатюрных животных, и камин, в который он, пригнувшись, может даже войти, и огонь встретит его приятной прохладой... Он может даже подняться к высокому потолку, взмыть вверх и покружить вокруг хрустальной театральной люстры – этого произведения искусства, осматривая залу и расставленные вокруг стола вычурные, обитые полосатым, в бледную зелено-жемчужную полоску, шелком, стулья... Он – хозяин своего сна, а потому может все.

Он споткнулся и чуть не упал – прямо под ногами, на узорчатом ковре лежала девушка в белом бальном платье. Кружево на груди было пропитано кровью, лицо – маленькое и бледное – уже осунулось, под ресницами залегли сиреневые тени... Красивая еще недавно прическа растрепалась, под кудри залилась кровь... С чего бы это ей присниться? Он в первый раз ее видел.

Интересно, к чему снятся трупы? Может, к встрече? Об этом он узнает, когда проснется. Но пока еще рано, еще ночь, он был в этом уверен, а потому, перешагнув через труп девушки, двинулся дальше, ступая по мягкому ковру. Станный звук заставил его остановиться и прислушаться. Показалось или нет, но за окном как будто бы завывала метель. Он знал и любил эти звуки, сохранившиеся у него в памя-

ти с самого детства, но звуки эти были больше киношными, он назвал бы их даже черно-белыми, как и те, полные драматизма, детские фильмы, где действие разворачивалось зимой. В камеру оператора летел неестественно крупный снег и залеплял стекло, а ветер подывал так, словно природа стояла, подражая волчьему вою, главный герой же, бесстрашный подросток с лицом благовоспитанного пионера, куда-то шел, проваливаясь в снег по самые уши, чтобы кого-то спасти, найти, кому-то что-то доказать... Сейчас же метель носила романтический, с легким оттенком криминала характер. Все-таки – старинная бальная зала, свечи... Пламя свечей беспокойно, словно выюга проникает сквозь толстые стены и пытается задуть его. Да и вообще атмосфера в доме какая-то странная, неприятная. Хорошо еще, что тепло, хотя в камине остались лишь угли. Розовато-серые, живые, они еще источали тепло. Герман подумал о том, что было бы неплохо найти дрова, они, должно быть, спрятаны где-нибудь под лестницей, куда со двора их приносят молчаливые и вышколенные слуги. Но слуг он пока еще не видел, не чувствовал, что в этом доме вообще, кроме него и мертвой девушки, кто-то есть. Предчувствие холода – вот что он почувствовал в этом своем, становящемся тревожным сне. Он подошел к столу, коснулся коленями шелковой, украшенной искусственными розами драпировки на скатерти, хотел было уже схватить аппетитную куриную ножку, выглядывающую из-под зелени, как почувствовал, что уперся носком ботин-

ка (ну не босиком же ему расхаживать по чужому дому!) во что-то мягкое и одновременно упругое. Опустил голову и увидел, к своему удивлению, торчащие из-под длинной скатерти мужские ноги, обутые в черные лакированные ботинки. Носки ботинок разъехались в разные стороны. Черные брюки поднялись, открывая обтянутые серыми прозрачными носками щиколотки. Герман задрал подол скатерти и заглянул под стол. Так и есть. Еще один труп. Молодой мужчина, в смокинге... Он даже не понял, откуда взялась эта уверенность в том, что мужчина мертв. Он мог быть пьяным или просто спать. Герман вытащил его из-под стола за ноги. Двигаясь по ковру, тело оставляло за собой влажный красный след. На лбу этого красивого парня, bruneta с выразительными еврейскими чертами, зияло отверстие. Розово-белые узоры на ковре приобрели яркость, наполнились кровью – пуля, по всей видимости, пробила череп мужчины, кровь лилась из простреленного затылка...

Смерть молоденькой девушки на балу – это все-таки более-менее романтически-трагическое происшествие, в духе предутренних сновидений, но мужчина в смокинге с простреленной башкой... И ковер безнадежно испачкан, и курицу что-то есть не хочется. Разве что немного выпить...

«Прости, брат», – и Герман перешагнул через второй труп, плеснул в чистый бокал водки из хрустального графина и выпил. Залпом. Закусил подсохшим соленым огурчиком, зацепил вилкой маринованный рыжик, отправил в рот. Ну

вот, теперь можно и просыпаться. Хватит уже, насмотрелись. Он сделал попытку открыть глаза пошире, как бы произвел усилия, чтобы проснуться, но почему-то не просыпался. Надо было придумать что-то такое, после чего он непременно проснется: захотеть, к примеру, чего-то сладостного, приятного, жгучего, чтобы как раз в тот момент, когда он готов будет насладиться этим чем-то, и проснуться... Разве не так происходит обычно, когда не хочешь просыпаться? Разве не так ты приходишь в себя на кровати, рядом с которой стоит стул, где ты во сне оставил свои сокровища? Но сокровищ поблизости не наблюдается. Разве что брильянты на шее и руках мертвой девушки? Брильянты так и сверкают при свете свечей... У парня в смокинге тоже имеется брильянт, впаянный в черный массивный агат золотого перстня. Но разве это не мародерство – срывать украшения с мертвецов? Таким унижительным промыслом Герман не стал бы заниматься даже во сне. Ему бы поскорее выбраться отсюда...

Он знал, что, когда выйдет из большой залы, сразу же увидит уходящий вдаль длинный коридор с бесконечными дверями, которые будут распахиваться перед ним, стоит ему этого только захотеть. Но чего он сейчас хочет? Чтобы первая дверь стала дверью в его спальню, где он наконец проснется и, схватив дрожащими, ослабевшими ото сна руками простыню, промокнет ею влажное лицо... Что дальше? Быть может, есть смысл все-таки побыть еще немного здесь, в этом странном месте, и попытаться все же найти дрова? Ну,

где тут лестница? Хотя почему дрова должны быть непременно под лестницей? А где же им тогда быть?

Он выпил еще одну рюмку водки, закусил маленьким бутербродом с черной икрой и вышел из комнаты. Увидел лестницу, ведущую вниз, широкую, благородную, покрытую красным ковром, прижатым привинченными стальными прутьями к ступеням. Сделал несколько шагов и наткнулся еще на один труп... Прелестная женщина в изумрудном шелковом платье истекала кровью на ступенях лестницы, сразу за кадкой с пальмой. Она лежала спиной вверх, шея ее вывернулась, и голова щекой вниз покоилась на красном ковре. Глаз женщины был полуоткрыт, и, если бы не темное пятно на платье, слева, чуть пониже лопатки, – свидетельство того, что в женщину тоже стреляли, можно было бы подумать, что она смертельно пьяна и просто упала, не дойдя нескольких ступеней до маленькой кушетки на небольшой площадке между лестничными пролетами. Смерть сделала лицо женщины совсем белым, и только ярко-оранжевая помада нежным цветком пылала на ее мертвых губах.

Герман подумал, что ведь где-то здесь, в этом мрачном доме, скрывается и убийца. Он почему-то был уверен, что убийца один и что это мужчина. Во всем темном. Он молчалив, уверен в себе и точно знает, что ему нужно: выстрелить и убедиться в том, что жертва мертва. Причину этих убийств знает только он. Возможно, его наняли, но, скорее всего, он все же не нанятый профессионал – он и есть тот, кто задумал

это страшное действо...

Под лестницей он действительно увидел сложенные аккуратно дрова. Прямо на мраморных плитках. И корзина – тут же, рядом. Он наложил ее доверху и поднялся наверх, вошел в комнату, надеясь, что она изменилась, что исчезли хотя бы эти трупы: девушки и мужчины в смокинге. Но ничего подобного не произошло, бальная зала встретила его тем же изысканным шопеновским ноктюрном, запахами снеди и сладковатым ароматом тлевших поленьев. Пора было бы проснуться, но сон услужливо предлагал и дальше наслаждаться жутковатым ночным триллером, давая возможность своему главному герою подложить дров в камин и продолжить свое пребывание в этой странной усадьбе. Герман подбрасывал дрова, любясь тем, как пламя не спеша охватывает их, обволакивает – розовато-оранжево, заставляет дерево уютно потрескивать, отдавая свой жар и наполняя пространство вокруг спасительным теплом. Он уже понял, что во сне зима, что за окнами свирепствует непогода, завывает метель, а потому не стал даже подходить к окну, чтобы убедиться в этом.

Когда огонь в камине запылал и блики его стали отражаться на гладком, наощенном паркете, Герман подумал о том, что трупы в такой жаре могут испортиться, начать разлагаться. Он думал об этом с такой убийственной простотой и спокойствием, что ему и самому становилось не по себе.

Уже три трупa в одном сне, не многовато ли?

Он решил обойти стол с другой стороны, чтобы не видеть и не касаться ног мертвого парня в смокинге, налить себе еще чего-нибудь крепкого, чтобы уснуть во сне, а потом все же проснуться, как вдруг услышал где-то внизу звонок. Электрический звонок. Вот оно, спасение! Это звонят в дверь его квартиры, значит, сейчас последует пробуждение. Он замер, глубоко вдохнул в себя крепкий запах недавнего праздника (если только можно назвать праздником кровавую бойню на балу) и закрыл глаза, надеясь открыть их уже в нормальной квартире, в своей постели... Но внизу продолжали настойчиво звонить, а он не просыпался. Стало быть, этот звонок не имеет никакого отношения к реальности и кто-то хочет войти именно в усадьбу, в его сон, а не в жизнь... Что ж, пусть, посмотрим, что будет дальше.

Он сделал несколько движений руками, словно приводя в нормальное состояние затекшие мышцы, даже присел пару раз, после чего упругой легкой походкой направился к двери, легко, почти не касаясь ступеней, спустился вниз, стараясь не смотреть на разложенное на ступенях хрупкое женское застывшее тело, пересек просторный холл, чуть не поскользнувшись на гладких серо-розовых мраморных плитках, и остановился перед массивной деревянной дверью, за которой неистовствовал звонивший. Резкий звук терзал слух. Герман, хоть и знал, что это во сне, все равно по привычке, следуя инстинкту самосохранения, спросил глуповато:

– Кто там?

– Откройте! Пожалуйста!

– Кто это? Почему я должен вам открывать?

Герман понимал, что в настоящей жизни он мог быть и повежливее, но не сейчас, когда его стало нервировать теперешнее зависимое положение, когда ему уже надоела эта неопределенность и эти кровавые декорации, среди которых нет ничего из того, чем бы ему можно было бы насладиться, как в жизни: ни приличной, не отдающей кровью выпивки, ни закуски, ни хорошего общества... Даже женщины все мертвые и холодные. Этот сон подошел бы скорее для некрофила, чем для полного жизненных сил молодого мужчины.

– Я сбился с дороги, едва добрался до вашего дома, шел на свет и счастлив, что слышу вас, что в доме кто-то есть... Я замерз, если хотите... Не бойтесь, я не вор, не бандит, меня зовут Дмитрий, фамилия Адамов, я адвокат...

– Да мне плевать на то, что вы адвокат... Хочу, чтобы и вы исчезли, и все остальное... – проворчал Герман, отпирая мощный засов. Порывом ветра дверь распахнулась, едва не слетев с петель, и из синего морозного снежного прямоугольника дверного проема родился белый человек. Он весь с головы до ног был словно вылеплен из снега, даже в огромную шапку-ушанку его набился снег, даже ресницы густо заросли непомерно крупными снежинками.

Человек ввалился, судорожными движениями прикрывая за собой дверь, словно боясь, что она не поддастся его силе,

он спиной прижал ее, и Герман помог ему задвинуть на место массивный металлический засов.

– Вы видели, что там творится? – тоном заговорщика спросил он, кивнув в сторону рвущейся в дверь метели. – Я никогда еще не видел такого... Все дороги заметены, я едва дополз до вашего дома по сугробам, проваливаясь буквально по уши... Черт, я вас совсем не вижу...

– У вас, по всей видимости, очки залеплены снегом...

– Слышу, голос знакомый... – Гость сорвал с носа примерзшие к коже, заледеневшие очки и уставился на Германа. – Здорово, – как-то неуверенно проговорил он.

– Привет, – еще более неуверенно ответил ему Герман. – Так как вас, говорите, зовут?

– Дмитрий... – не сразу ответил гость. – А вас?

– Герман. Какого рожна вы делаете в моем сне?

Белый человек какое-то время обдумывал его слова, после чего пожал плечами.

– Так мне можно пройти? – произнес он жалобным голосом.

– Валяй... Только ненадолго. Говоришь, замерз? Я не зверь какой, поднимайся наверх, там тепло... Когда увидишь трупы, не бойся, они же ненастоящие. Так, разложили их повсюду, чтобы людей пугать...

Гость, сначала внимательно слушавший Германа, вдруг словно очнулся, как бывает с человеком, до которого только что дошло, что его разыгрывают, он кивнул головой, как-то

странно улыбнулся и принялся стряхивать с себя снег, потом быстро расстегнул пальто или шубу (Герман так и не понял, потому что все было в снегу) и еще раз стряхнул с плеча, с силой, так что во все стороны полетели комья снега и сосульки, с сухим стуком посыпавшиеся на плитки пола. Потом как-то по-свойски сунул тяжелую доху в руки недовольного всей этой сценой Германа и принялся развязывать под подбородком шапку-ушанку. Развязал, стянул, и Герман увидел перед собой раздурманившегося симпатичного мужчину. Круглое веселое лицо, густые каштановые волосы, карие блестящие глаза и полные розовые губы.

– А вы ничего... как вас там?

– Дмитрий. Думаю, обойдемся без официоза, без отчества... – Дмитрий вертел в руках непонятно каким образом оказавшиеся у него очки, после чего с виноватым видом принялся протирать стекла вязаным меланжевым джемпером. – Представляете, моя машина сломалась... Примерно в трех километрах отсюда. Это чудо, повторюсь, что я увидел освещенные окна... Кругом лес...

– Вы куда, собственно, ехали-то? – смягчившись, Герман снизошел до вопроса.

– Здесь где-то неподалеку есть дачный поселок, вот собирался там отметить Новый год с друзьями... Не доехал. Но, думаю, не один я попал в такое положение... Надо было заказать столик в ресторане, да и все... Знаете, сейчас никто не хочет связываться на Новый год с гостями, закусками, для

женщин это мучительно, я их понимаю... А у вас тут... тоже гости? Я смотрю, дом огромный, прямо-таки усадьба, и в каком прекрасном состоянии... Правда, я вижу пока только холл и эту чудную лестницу... Поздравляю, у вас отличный вкус... Так отреставрировать, превратить прямо-таки в музей...

– Вы слишком много болтаете! – рявкнул Герман, с пренебрежительно-демократического «ты» неожиданно перешедший на «вы», но все равно становиться вежливым с этим заплутавшимся не собиравшийся.

– Зачем вы так... – обиделся гость. – Вы же понимаете, что теперь я полностью в вашей власти, что я завишу от вас, от вашего гостеприимства...

– Вы что, и сами не понимаете, что происходит? – раздраженно спросил его Герман, страстно желая проснуться. – Мне надоела и эта усадьба, и все эти странности... К черту!

И тут он услышал какой-то сдавленный вскрик.

– Ну, чего! Чего вы орете?

– Там... За вашей спиной... Я только сейчас разглядел под пальмой... женщина... на ступенях... в зеленом платье... Она что, выпила лишнего? Я вижу, и вы едва стоите на ногах...

– Она не пьяная, она мертвая, и уясните это себе, наконец. И наверху, в зале, еще два трупа, понятно?

– Да что здесь произошло?

– Какая вам разница?! Пойдемте наверх, там хотя бы теп-

ло... И когда я вам что-то говорю, пожалуйста, не пропускайте это мимо ушей: говорил же вам, что в доме трупы. Но это же сон, а потому зачем так расстраиваться? Выпьем, и станет легче встречать рассвет...

– Вы сумасшедший?

– Нет. Просто я очень хочу проснуться...

Отрывок из книги О.З.

«Холодные цветы одиночества»

«Вот уже сто лет прошло, как тебя нет. Знаю, понимаю, что тебя не вернуть, но мне же никто не сможет запретить думать о тебе, разговаривать с тобой, рассказывать тебе обо всем, что со мной происходит. Да, все вокруг похоронили тебя, и как же иначе, если прошло так много времени. Но кто-то верит, что ты можешь найтись, что, предположим, с тобой случилось несчастье, тебя избили и ты потерял память, таких историй вокруг случается довольно часто, достаточно посмотреть передачу „Жди меня“. Я же не верю, что ты можешь потерять память, ты слишком умен, слишком везуч, чтобы вляпаться в какую-нибудь историю. Твое длительное отсутствие связано, скорее всего, с твоей смертью. Ты можешь спросить, как это я могу так спокойно произносить это слово? Но только смерть могла бы разлучить нас с тобой. Если бы только сердце твое билось, а мозг работал, ты непременно сообщил бы о себе, позвонил, отправил через медсестру или товарища записку для меня, твоей жены. Понимаю, ты не военный человек, ты не мог участвовать в военных действиях, а потому и сама не знаю, о какой медсестре говорю, но все же с тобой что-то случилось, раз ты пропал. Я

много думала о том, могут ли у тебя быть враги и кому понадобилось бы убивать тебя, пока вдруг не поняла, что слишком мало знаю о тебе, о твоём прошлом. Быть может, прежде чем ты встал на ноги и построил себе дворец из слоновой кости, у тебя и были враги, завистники, как и у каждого состоявшегося человека. Но то зло, что они причинили тебе, все равно обернется против них, так уж все устроено в этой жизни.

Я нашла себе работу. Мне надоело целыми днями валяться перед телевизором и смотреть все подряд. Надоело слушать музыку и листать альбомы с репродукциями моих любимых импрессионистов. Мне захотелось движения, какой-то пусть и тяжелой и неинтересной, но все равно жизни. Ты прости меня, но ко мне начал возвращаться аппетит. Теперь, помимо чашки кофе по утрам, я съедаю бутерброд с сыром, а на обед ем куриный суп. Да, я страшно похудела за эти три месяца, и те, кто меня видел в таком виде, ужасаются, говорят, что так нельзя, что я могу умереть, что, несмотря на то что тебя нет, я-то живу, жизнь продолжается. Знаешь, а ведь меня многие забросили, перестали даже звонить, и я их отлично понимаю, они не знают, как им себя со мной вести. Думаю, должно пройти какое-то время, чтобы мы все привыкли к тому, что тебя нет и что теперь в нашей квартире живу только я одна. Знаешь, я стала находить какое-то удовольствие в уборке, мне кажется, что вода смывает не только грязь со стекол, но и какой-то непонятный, словно заплес-

невелый слой с моей жизни, что я очищаюсь, когда что-то мою, привожу в порядок. Ты бы увидел нашу квартиру сейчас: она вся вычищена, люстры сверкают, окна прозрачные, чистые, мне и самой нравится эта чистота, словно я умылась, промыла глаза...

О работе. Несложная, связанная с делопроизводством. Мне предложила ее Ирина Васильева, ты знаешь, это моя подруга. Она единственная, пожалуй, кто навещает меня постоянно, кто переживает искренне обо мне. У нее и самой невеселая жизнь. Понимаешь, мы сейчас просто необходимы друг другу. У нее проблема – она ревнует. И не просто ревнует, как ревнуют многие женщины, – она просто больна своей ревностью. Если ты помнишь, у нее муж работает на закрытом предприятии, куда так просто не попасть. Так вот, Ирина считает, что он живет своей жизнью и что именно там, за воротами этого предприятия, у него и есть настоящая жизнь».

Она захлопнула толстую тетрадь, подумав, что тратить страницы и душевные силы на описание проблем подруги, маленькой прокуренной женщины, занимавшей ничтожное место в ее жизни, не стоит, тем более что Ирина живет своей ревностью и что отними у нее проблемного мужа с его многочисленными любовницами, которые, по ее мнению, обитают в этом подземном, некогда военном заводе, так называемом закрытом предприятии, где в настоящее время выпускают кастрюли и металлические двери, то чем она будет жить?

Она всегда являлась с заплаканными глазами и с видом мученицы доставала из сумочки сигареты, бутылку вина, усаживалась на свое излюбленное место в кухне, возле окна, и начинала рассказывать свою жизнь: очередная любовница мужа тоже работает на заводе, как и предыдущая, так дальше продолжаться не может, надо что-то предпринимать, на что-то решаться... Но на решительные действия Ирина была не способна по многим причинам. Во-первых, она любила своего мужа, неразговорчивого, ироничного парня, скромного и тихого, которого трудно было представить себе приударяющим за другой женщиной. Во-вторых, Ирина, получая в своей музыкальной школе гроши, жила за счет мужа. В-третьих, она бы не вынесла сложностей, связанных с разделом квартиры...

Тонкие пальцы ее с ярким терракотовым лаком дрожали, когда она держала сигарету, а маленький пунцовый рот на фоне бледного, с нарумяненными впалыми щеками лица делал ее похожей на продажную девку. Только рано утром, без косметики, растрепанная, в пижаме, с огромными голубыми глазами и нежным розовым лицом, она напоминала своей миниатюрностью и хрипловатым голосом соблазнительного подростка, и тогда ей хотелось помочь, хотелось обнять ее за узкие плечи, прижать к себе и покачать, как качают детей, успокоить. Но такое ее состояние внешней невинности и искренности длилось, как правило, всего несколько утренних минут, после чего Ирина снова превращалась в размалеван-

ную вульгарную бабу, а ее еще недавно такой подкупающий хрипловатый, словно непроснувшийся голос теперь выдавал в ней курильщицу со стажем. Она просила сварить ей крепкий кофе, после чего, схватив своими острыми коготками сумочку, с озабоченным видом (ведь наступил новый, готовый для очередной порции болезненной ревности день) покидала Женю.

С тех пор как пропал Герман, жизнь Жени сильно изменилась и представлялась ей теперь некогда веселым и сильным зверем, запертым ныне в грубо сколоченном, без окон, мрачном и тихом доме. Большая светлая квартира словно потемнела. Хотя Ирина, всякий раз появляясь здесь, утверждала, что Женя зря киснет, что жизнь прекрасна и удивительна и, если бы у нее, у Ирины, была такая квартира и столько денег, сколько осталось у Жени после Германа, она ни минуты бы не стала жить с ненадежным мужем – стала бы строить свою жизнь с чистого листа. Ирина много говорила о том, что невозможно так вот убивать себя одиночеством, что пора бы уже и начать подыскивать для себя подходящего мужчину. Но не мужа, а просто веселого, доброго парня, с которым было бы приятно проводить время и который бы излечил ее от тоски. Женя слушала ее молча, даже и не пытаясь объяснить, что никто, кроме Германа, ей не нужен и что слова Ирины о том, чтобы Женя подыскивала себе любовника, звучат по меньшей мере кощунственно. Хотя, по большому счету, конечно, она должна была находить в себе силы жить

дальше, и пусть первым шагом к возвращению к нормальной жизни будет работа. Даже тот факт, что рано утром ей придется вставать и куда-то идти, что-то делать, и то приносил облегчение. Невозможно было и дальше бездействовать и чувствовать, как последние силы покидают ее. Ирина позвонила ей и сказала, что ее ждут на собеседовании: небольшая фирма в Брюсовом переулке, занимающаяся продажей строительных материалов. Владелец – одноклассник Ирины, честный и порядочный человек, прекрасный семьянин, отец троих детей. Женя, не раздумывая, согласилась. В ее распоряжении было два часа. За это время она успела привести себя в порядок и даже перекусить. И только уже на улице, открывая дверцу машины, поняла, как же она слаба, так слаба, что не уверена даже, сможет ли она найти в себе силы доехать до Брюсова переуллка. Голова кружилась, когда она выезжала со двора, педали, казалось, не слушались ее, стали неимоверно тугими. Но, уже оказавшись на Садовом кольце, она вдруг почувствовала, как машина, словно сама желая вспомнить скорость и полет, рвется вперед, обгоняя медленнодвигающиеся, как ей казалось, впереди идущие машины. Солнечная апрельская Москва призывала ее к жизни, влажно поблескивал асфальт, слепой дождик забрызгал ветровое стекло. Она опустила стекло, и в салон ворвался свежий прохладный ветер.

Фирму она нашла быстро, поднялась на второй этаж, постучала в дверь с табличкой «Мастер Бим. Строительные ма-

териалы».

– Входите!

Она вошла и увидела приемную, где за секретарским столом сидела улыбающаяся Ирина. Ее голубые глаза лучились хорошим настроением. Казалось, она на время забыла о своем проблемном муже. Рядом с ней сидел крупный мужчина в джинсах и свитере.

– А вот и наша Женечка! Знакомься, Женя, это водитель Вани – Тарас. Тарас, это моя лучшая подруга Женя. А Ваня сейчас приедет, обещал, звонил пять минут тому назад...

– А почему «Мастер Бим»? – спросила Женя, чтобы не молчать. Ей не понравился грязноватого вида водитель, да еще к тому же с таким редким, напоминающим матрац именем – Тарас. Но, глядя, как Ирина смотрит на него, Женя вдруг подумала, что подружка ее последовала своему же собственному совету – плюнула на мужа и нашла себе веселого и доброго парня для встреч.

– Да потому, что хозяин – Борисов Иван Михайлович, сокращенно БИМ, вот и все объяснение! Скажи, хорошее название для строительной фирмы? – заливалась Ирина.

Женя вдруг спросила себя: что она делает здесь, в этой комнате, с этими воркующими голубками, чего ждет? Какого-то Бима? А что потом? Будет перекладывать бумаги, получать газеты, носить документы на подпись? Она имела самое смутное представление о работе секретарши. Кажется, еще надо будет заваривать чай и приносить в кабинет шефа

на подносе. Значит, надо будет купить чай и сахар. В голове было пусто, на душе – тоже. Ей смертельно захотелось домой, в свою комнату, забраться под одеяло и включить спасительный телевизор, окунуться в сериалы, захлебнуться ими, подавиться... Кто сказал, что сериалы – это плохо? Сериалы спасают вот таких вот одиноких и брошенных людей, находящихся на грани... Лежа под одеялом и глядя на экран, на ту жизнь, которую проживают герои фильмов, человеку рано или поздно и самому захочется реальной жизни, движения. И тогда он выползет из теплой постели, примет душ, выпьет кофе и позвонит другу или подруге, попросит приехать или найти работу – вот как, собственно, и произошло сейчас с самой Женей.

– Ирина, а это точно, что он меня возьмет на работу?

– Сто процентов. Под мою ответственность.

Явился Бим – холеный, в желтом клетчатом костюме толстячок с румяными щеками и добродушным лицом. Ирина на правах бывшей одноклассницы представила Женю, наговорила много лишнего, пустого, пользуясь предоставленной ей возможностью охарактеризовать Женю («Ты не пожалеешь, что взял ее, она очень ответственна, серьезна, просто ангел»), и, радуясь тому, что она может вот так легко и непринужденно общаться с владельцем фирмы строительных материалов, сказала, что купит у Борисова гипсокартон. Бим пригласил Женю к себе в кабинет, представляющий собой резкий контраст с убогой приемной: обшитые деревом

панели, дорогая, далеко не офисная мебель, коллекция фарфоровых лошадок за стеклом итальянского шкафчика.

– Мне Ирина рассказала о твоём несчастье, – вдруг сказал Борисов, не удосуживаясь даже выдержать некоторую паузу в их отношениях (хотя бы в несколько дней), позволяющую шефу обращаться к своей секретарше на «ты». – Думаешь, твоего мужа убили?

– Не знаю, – тихо ответила не готовая к подобному разговору Женья. – Мне не хотелось бы говорить об этом.

Она собиралась сказать, что считает верхом бестактности вообще напоминать совершенно незнакомому человеку о постигшем её несчастье, и даже внутренне готова была уйти, все бросить и поехать к себе домой, но почему-то передумала. Рано или поздно Ирина все равно объявится с новым предложением, с новым Бимом и с новой фирмой, она так просто не отстанет от Жени, заставит устраиваться на работу и жить, жить...

– У меня была секретарша, но она ушла в декрет. Работы у тебя будет немного, но скучать не придется. Будешь отвечать на звонки, записывать в журнал, кто звонил и когда, постепенно запомнишь всех наших постоянных клиентов, научишься с ними общаться, приведешь в порядок все неподшитые документы, накопившиеся с тех пор, как ушла Маргарита... Компьютером пользоваться умеешь? Таблицы составлять?...

– Да, умею.

– Кофе ты, я надеюсь, тоже умеешь готовить, тем более что кофеварка у нас почти новая, а деньги на кофе, сахар и печенье я буду выдавать тебе лично.

– Скажите, а почему вы взяли именно меня? Вы, вероятно, не представляли себе, как выглядит вдова? Ирина вон говорит, что я на смерть похожа...

– Ничего. Откормим. Мы обедаем в кафе напротив. Рано или поздно в тебе проснется аппетит и все постепенно наладится, ты поправишься, и щечки твои порозовеют. А то, что ты сейчас неважно выглядишь... Все мы люди – все мы человеки, – и он широко улыбнулся. – Зарплата тебя интересует?

– Постольку-поскольку...

– Пятьсот долларов устроит?

Это было неожиданно. Женя предполагала – дадут не больше трехсот. Но, видимо, сыграл тот факт, что она является протеже Ирины. Ирина – любовница водителя Бима, а Бим... Фирма его процветает. Одно непонятно, почему Ирина сама не согласилась стать секретаршей Бима, ведь в своей музыкальной школе она получает вдвое меньше.

– Приставать не станете? – уныло спросила она, заранее зная ответ.

– Не стану, – уверил ее Борисов. – Ну что, когда выйдешь на работу?

– Считайте, что уже вышла.

– Вот и ладненько! – Борисов, потирая ладони, улыбнулся широкой белозубой улыбкой.

День пролетел незаметно, она быстро освоилась в приемной, немного прибралась, оставив записку уборщице, чтобы она вымыла окна и привела в порядок ванную комнату, рассортировала документы по папкам, сходила в супермаркет, где купила необходимые канцелярские принадлежности, кофе, сахар и печенье, и буквально до самой последней минуты рабочего дня почти ни разу не присела отдохнуть. Бим несколько раз вызывал ее к себе, спрашивал, все ли ей понятно, нравится ли ей здесь, справлялся почему-то о здоровье, а ровно в пять часов он отпустил ее домой, сказав, что очень доволен ее работой.

Женя вышла на улицу и окунулась в ту жизнь, которую прежде не замечала: по улицам спешил народ, в воздухе пахло весной, апрельский сладкий зеленый воздух кружил голову... Она села в машину и покатила по длинным московским улицам к себе, в свое гнездышко, в свою норку, чтобы забиться туда и немного отдохнуть, прийти в себя и снова поиграть с собой в сомнительную игру: Герман жив, он где-то в квартире, ходит, напевает, иногда заглядывает к ней в спальню, чтобы сказать что-то необыкновенно нежное, чтобы посмотреть на нее так, как умел смотреть только он – в его взгляде читалось столько любви...

3

Усадьба

Они сидели за столом и пили. Где-то возле их ног, под столом и затейливыми складками скатерти, спал вечным сном молодой человек в смокинге. Дмитрий от водки пришел в себя, согрелся, размяк и теперь с аппетитом поедал сооруженный им лично толстый бутерброд с маслом и розовой семгой. Германа подташнивало.

– Так что, дорогой Герман, уясните себе, что вам весь этот кошмар не снится, вы видите все это реально: и эту усадьбу, и этот накрытый стол с остатками пиршества, и эти трупы. А теперь потрудитесь вспомнить: как вы сюда попали и знакомы ли вам эти люди? Эти убитые?

Герман, который просил гостя несколько раз ущипнуть его, все равно продолжал думать, что даже этот разговор ему снится: уж слишком все было страшно и неестественно.

– Начнем с того, что я ни разу прежде не бывал в этом доме. И этих людей не знаю.

– Но вы хотя бы отдаете себе отчет в том, что вам повезло: убийца оставил вас почему-то в живых... Вы не помните, чтобы кто-то палил из пистолета, быть может, какие-то обрывки картинок, видений?

– Послушайте, вы уже задавали мне этот вопрос. Ответе-

чаю: я понятия не имею, как я здесь оказался и кто убил этих несчастных и совершенно незнакомых мне людей.

– Хорошо, тогда ответьте мне, пожалуйста: кто вы, как вас зовут, откуда вы родом, где живете?

– Меня зовут Германом, живу в Москве, я – оператор и снимаю животных... Постоянно в разъездах, скоро вот поеду в Йоханнесбург...

– Вы женаты?

– Да, женат.

– Среди этих двух женщин...

– Что вы такое говорите?! Здесь нет моей жены! Типун вам на язык!

– Извините. Но вы поймите и меня. Непогода привела меня к вам, в вашу усадьбу, а здесь – три трупа... Я не могу не задавать вам вопросы. Разве вам не приходило в голову, что я каким-то образом даже рискую, находясь здесь...

– Так возвращайтесь туда, откуда пришли, и не трепите мне нервы! – огрызнулся Герман. Вот только сейчас, когда Дмитрий спросил его о жене, он вдруг почувствовал нависшую над ним опасность. Если эта усадьба с трупами ему не снится и он действительно каким-то образом оказался здесь, то почему он не увидел ни одного знакомого лица? Кто эти люди, которые, как манекены, разбросаны по дому? Кто и за что в них стрелял? Или же компания просто перепилась и кому-то пришлось в голову взять в руки пистолет? Быть может, здесь разыгралась настоящая драма, трагедия и ему, как

правильно заметил Дмитрий, действительно крупно повезло, что он не стал мишенью пьяного идиота?

– Судя по тому, в каком состоянии вы находитесь, и вам пришлось не сладко, – заметил Дмитрий с набитым ртом. В отличие от Германа, у него при виде мертвых людей не пропал аппетит, и он, задавая ему свои дурацкие вопросы, продолжал наслаждаться едой. На этот раз он наложил себе в тарелку слегка расплывшийся холодец, обложив его розоватым тертым хреном, рядом – утиную ножку.

– А что такого особенного вы нашли в моем состоянии? Да, мне слегка нездоровится, голова побаливает, но, вероятно, это естественно для человека, который накануне много выпил...

– Вы тоже в смокинге. Вот ответьте мне, Герман, вы его купили, вам его сшили или же вы его взяли напрокат?

– Понятия не имею, – пожал он плечами. – А что, разве это имеет какое-нибудь принципиальное значение?

– Безусловно. – Дмитрий с удовольствием уписывал холодец. – Если вы его купили или вам его сшили, значит, смокинг был необходим вам для ведения соответствующего образа жизни, значит, вы – из их команды, понимаете? Уровень общества, интересы, средства... Если же взяли напрокат, то это мероприятие – в частности, бал в старинной отреставрированной усадьбе – как бы единичный случай, событие временное в вашей жизни и нетипичное... Улавливаете мою мысль?

– А если я его украл? Вы не додумались до такого?

– Значит, вы точно не из их команды.

– Знаете, что я вам скажу, Дмитрий: мне не нравится, что вы этих несчастных называете командой, потому что, когда вы произносите это слово, мне представляется зеленое футбольное поле, а на нем – выстроенные рядком, друг напротив друга, кривоногие парни в форме, две футбольные команды... Как видите, у меня образное мышление.

– Хорошо, у вас образное мышление, тогда ответьте: что представляется вам, когда я спрашиваю вас о вашей жене?

– А при чем здесь моя жена?

– Да при том, мой дорогой Герман, что если вы в смокинге здесь, так скажем, на балу, то с вами должна быть и ваша жена. Если вы, конечно, не в ссоре...

Германа покорило это «мой дорогой Герман». Какое дело этому типу, в каких он отношениях со своей женой? Хотя в какой-то мере он был, конечно, прав. Ведь он же не осматривал дом... А вдруг Женька здесь, где-то рядом, лежит – раненая?

– Послушайте, вы, умник, если все обстоит так, как вы говорите, тогда почему же вместо того, чтобы вместе со мной осматривать дом, вы сидите здесь и набиваете себе живот холодцом?

– Хорошо, я заканчиваю, где здесь салфетки? – Он приподнялся, достал рулончик зеленой салфетки, развернул его и тщательно вытер жирные губы. – Так пойдемте же... Хотя

постойте. Давайте немного поразмыслим, прежде чем выйдем отсюда и примемся осматривать дом. Мы видим здесь три трупа. Вернее, здесь два трупа, и на лестнице – еще один. Глупо было бы предполагать, что на бал были приглашены всего четверо... Вы, тот парень под столом, вот та девушка в бальном платье и та, что лежит на лестнице... Причем одна пара – это хозяйева этой усадьбы, иначе не может быть... Значит ли это, что была приглашена всего лишь одна супружеская пара?

– Что такое вы несете?! – не выдержал Герман. – С чего вы взяли, что пары непременно должны быть супружескими, это во-первых? Во-вторых, не трудно подсчитать, сколько приборов на столе, чтобы понять, сколько людей принимало участие в празднике... Раз, два, три... Восемь приборов.

– Вы пугаете меня, Герман... Если учесть, что усадьба замечена снегом и метель длится уже несколько часов... А еда на столе свежая да и дом не успел остыть... Вы улавливаете мою мысль? Если всего было восемь человек, а вместе с вами на этом этаже – четыре человека, значит, в доме должны быть и остальные четверо... Но я здесь уже минут двадцать и что-то не заметил никакого движения, никаких звуков, кроме этой фортепьянной игры... Вот тоже, кстати: зачем за рояль посадили куклу?

Так, значит, это все-таки кукла, с каким-то отчаянием подумал Герман. Кукла за роялем. Конечно, она не играет...

– Обратите внимание, – проговорил он усталым тоном человека, не желающего из сна возвращаться в реальность, – что она не играет...

– Да как же она может играть, если это кукла? Прекрасно выполненная кукла... Музыка извлекается из ноутбука, разве вы не заметили его под крышкой рояля? Хозяин позаботился о том, чтобы в этой зале была создана иллюзия того, что гости находятся если не в восемнадцатом веке, то, во всяком случае, что они танцуют под живую музыку... По-моему, очень стильно, просто замечательно... Я бы и сам не отказался побывать на таком балу... Зимний лес, снег, старинная усадьба, камин, пышущий жаром, прекрасно сервированный стол... Стоп. А кто накрывал на стол? Где прислуга или приглашенные официанты?

– Слишком много вопросов, – отмахнулся от него Герман. – Вам надо, вы и узнавайте.

– А вам, значит, все равно? Вы проснулись в кресле, как вы сказали, обнаружили себя в незнакомом месте, среди трупов и нисколько не удивились этому? Может, это ваш образ жизни? Ваш, так сказать, стиль? И вам не привыкать просыпаться в компании мертвецов? – теперь уже Дмитрий не мог скрыть своего раздражения. – У вас что, начисто отсутствует инстинкт самосохранения?

– Да сколько можно говорить, – воскликнул в сердцах Герман, – что я был уверен в том, что мне все это снится! Я, помнится, сказал вам это сразу же, как только открыл дверь...

– Так вы пойдете со мной осматривать дом?

– Конечно, пойду, куда я денусь? – Герман встал и потряс головой. – Но хоть убейте меня, никак не могу привыкнуть к мысли, что все, что сейчас со мной происходит, – явь. Такого не может быть...

– Вы сами себя заблокировали, ваш организм сделал все возможное, чтобы спасти вас от стресса, шока, – предположил Дмитрий. – А вот мне трудновато, потому что я точно знаю, что вы мне не снитесь, как не приснилась мне и эта жуткая метель, и этот дом... Значит, вы не знаете, кому он принадлежит? Может, вам, а может, и не вам? Ну что ж, постепенно выясним... Когда я подходил к дому, я видел несколько машин, занесенных снегом... Говорю же, снегопад был колоссальный, а потому, даже если ваши... извините, не ваши гости съехались сюда вечером, то все равно их машины уже успело занести снегом... Скажите, Герман, вам не страшно?

– Вот теперь, когда я начинаю приходить в себя, – страшно... Вы вот все зовете меня осмотреть дом... Может, для начала найдем какое-нибудь оружие, я не знаю... кочергу там или нож... На всякий случай – вдруг убийца где-то здесь, в усадьбе?

– Разумная мысль. Кочерга нам вряд ли пригодится, а вот ножи... Ножей полно на столе, выбирайте... Можно и вилку...

– Издеваетесь?

– Нисколько. Просто жалею, что не прихватил с собой своего пистолета. Но кто бы мог подумать, что он может мне понадобиться в новогоднюю ночь?

Вооружившись ножами, они вышли из залы и, стараясь не смотреть на распростертое на лестнице тело женщины в зеленом платье, спустились вниз. Судя по всему, весь второй этаж занимала бальная зала и холл гигантской лестницы, значит, на первом этаже должно было быть все остальное: еще один холл, спальни, уборные, кухня, кладовая...

– Сначала посмотрим, что справа... – предложил Дмитрий. Здесь, на первом этаже, тишина давила на уши, и только сверху доносилась негромкая, но упрямая фортепьянная игра: на этот раз исполнялся полонез, знаменитый сороковой опус... Торжественный и величественный, он ну никак не вязался с тем, что испытывал Герман, медленно двигаясь вслед за Дмитрием куда-то вправо вдоль узкого темного коридора...

– Я нащупал на стене выключатель... – И сразу же стало как-то спокойнее, слева они увидели дверь. Тихо отворили ее. Нож в руках Германа показался ему бесполезной и смешной игрушкой. Откуда-то сверху посыпался издевательски изящный и еще более неуместный знаменитый шопеновский этюд «Бабочка»...

Они оказались на кухне. Просторное, уютное при свете молочных ламп помещение с большим разделочным столом,

темного дерева застекленными шкафами, холодильником и электроплитой. Мощная вытяжка, однако, не смогла избавить кухню от запахов: здесь приятно пахло жареным мясом, чесноком... На столе были разложены продукты, зелень, ножи, доски и посуда – кто-то невидимый готовил здесь салаты...

– Такой хороший дом, такая милая кухня.. Чертовщина какая-то... Может, на этих бедных людей просто напали бандиты? – предположил в отчаянии Дмитрий. – Даже не верится, что там, наверху...

И вдруг он замолчал. Совсем тихо откуда-то с потолка заструилась фантазия-экспромт... Герман хотел еще о чем-то спросить Дмитрия, но вдруг понял, что тот онемел и окаменел не потому, что слушает прекрасную музыку Шопена, – он просто не может пройти дальше, ему что-то мешает... Он даже понял что, вернее, кто... Раз в доме так тихо, значит, те, кто был здесь, не в состоянии издавать звуки: они не могут двигаться, шаркать подошвами по плиткам пола, не могут разговаривать, дышать...

– Герман, здесь женщина... Подойдите...

Герман тихо приблизился к Дмитрию и заглянул ему через плечо. Он увидел лежащую ничком на черно-белых плитках пола женщину в черном платье и белом переднике (сетчатка отразила прекрасно выполненную черно-белую мозаику). Официантка? Кухарка? Да какая разница! Это руками этой женщины была приготовлена еда и накрыт стол.

В этом можно было не сомневаться. Теперь же из-под ее головы натекала и успела подернуться пленкой лужа крови... Стреляли в затылок. За что эту женщину постигла такая же участь, что и тех двух девушек наверху? Во всяком случае, она была беднее их, раз взялась стоять у плиты, а не танцевать под музыку Шопена... Хотя какая разница, кто танцевал, а кто готовил еду, – разве в этом дело? Скорее всего, женщин вообще убили как свидетелей, подумалось почему-то Герману.

Ужас, подбиравшийся к нему в течение нескольких часов, теперь ледяным шарфом стянул горло. Он пробудился от кошмарного сна и оказался в более кошмарной и леденящей душу реальности. Он не знал, как попал в этот дом и как познакомился с этими людьми, зато знал, что никогда не сможет этого узнать, как не сможет перекинуться с ними парой слов.

– Номер четыре, – прошептал Дмитрий, присаживаясь рядом с трупом, чтобы получше рассмотреть женщину. – Три женщины и один мужчина. Думаю, что и мне скоро начнет казаться, что это сон... Как это было бы славно: взять и проснуться у себя дома, в привычной обстановке, принять душ... Еще один труп – и я поседею...

– Не поседеете, привыкнете, – ответил Герман. – Человек – это такая скотина, которая ко всему привыкает. Вы чем вообще по жизни занимаетесь?

– Адвокат, я же говорил, – Дмитрий внимательно посмот-

рел Герману в глаза. — Занимаюсь тем, чем занимаются миллионы людей в нашей стране, — зарабатываю деньги... У меня, как видите, менее романтическая профессия, чем у вас... Вы вот сказали, что снимаете животных. А вам не страшно?

— Это сейчас мне страшно, а львов и тигров я люблю... Могу часами ждать их появления, жариться на солнце, истекать потом, но потом заснять их, да еще крупным планом... Вы себе не представляете, как это потом, когда отснято много материала, монтировать кадры... Монтаж — это же волшебство... Знаете, я бы с удовольствием рассказывал вам о своей работе, о том, чем занимаюсь или собираюсь заниматься, но я знаю, что должен найти остальных... Ведь со мной их уже пятеро... Значит, мы должны найти еще как минимум троих...

— Видите дверь? Она ведет из кухни на улицу... Снег навалил уже до подоконника... Думаю, надо бы осмотреть дом...

— Ночь, снег... Не думаю, что кто-то из нашей восьмерки находится вне дома...

— А я вот представляю себе это так. Кто-то стал стрелять во всех подряд, люди же не станут ждать, когда их застрелят, они стали разбегаться... Та молодая дама в зеленом платье была застигнута в тот момент, когда хотела сбежать по лестнице вниз... Эта барышня... возможно, вообще ничего не слышала, находилась на кухне, она могла подумать, что наверху кто-то развлекается, стреляет ракетами или производит шум хлопушками... Ее убили, можно сказать, на ра-

бочем месте, на кухне, возле разделочного стола... Убийца, как мне видится, метался по дому, стрелял во все, что движется... Если в тот момент, когда он убивал эту кухарку, на кухне находился еще кто-то, то этот человек бросился бы к выходу... Так что посмотрим утром, возможно, под снегом и найдем кого-нибудь, скорее всего, мужчину, который при-
сматривал за домом, чистил снег, растапливал камины, ремонтировал проводку... Загородный дом без такого работника просто немыслим. Не станете же вы утверждать, что он танцевал наверху?

– Возможно, вы и правы, но могло быть и такое, что кто-то сейчас ранен и нуждается в помощи... А мы тут стоим и рассуждаем... Где тут спальня? Ванная комната? Надо действовать быстро...

И Герман бросился вон из комнаты – он не мог больше выносить этого зрелища...

Отрывок из книги О.З. «Холодные цветы одиночества»

«Не знаю даже, как тебе объяснить, но я в последнее время живу как-то автоматически, почти ничего не чувствуя и заставляя себя вставать, ехать на работу, отвечать на звонки, пить кофе... Мы с Бимом прекрасно ладим, он хороший человек, очень добрый, следит за тем, чтобы я поскорее поправилась, водит меня обедать в кафе и даже сам заказывает еду. Никогда не знала, что салат из капусты может быть таким вкусным. Неужели я иду на поправку и у меня просыпается аппетит? Внешне я изменилась. Вернее, для тебя-то я не изменилась, я всегда была такой, просто после того, как ты исчез, я сильно сдала, похудела, на моем лице стали выделяться одни скулы, я подумала еще, не течет ли во мне татарская кровь... Видишь, какими странными стали мои письма к тебе? Но жизнь, как говорит Бим, продолжается. И хотя радости я по-прежнему не испытываю и, думаю, не испытаю ее никогда, ко мне возвращается здоровье. Прежде мои мысли о смерти были спокойными, я знала, что долго не выдержу без тебя и уйду вслед за тобой, теперь же я хочу жить, чтобы думать о тебе, пусть и страдать, но все равно с твоим именем на губах. Знаю, что никогда не забуду тебя, мой дорогой

Герман, что все, что я буду делать хорошего в этой жизни, будет только в память о тебе. Не думаю, что ты одобрил бы мой уход из жизни... Это не решение, это не выход. К тому же меня иногда посещает чувство, похожее на просветление, и тогда мне кажется, что ты жив... Вот ради таких редких минут и стоит, наверное, жить. Я очень люблю тебя».

Ей казалось, что Герман, следя за ней откуда-то сверху, слышит лишь то, что обращено именно к нему, а потому она не стала прежде времени травмировать его тем, что на самом деле происходило с ней в последнее время. Хотя с ней-то лично ничего не происходило, просто в кабинете Германа теперь жила Ирина. Со своим водителем. Они жили как-то обособленно от нее, своей жизнью, сами себе готовили, шумно предавались любви за стенкой, иногда приводили к себе друзей... Переехать к ней решила сама Ирина, причем, как она выразилась, не ради себя (к тому времени она все же решила бросить своего проблемного мужа и сойтись с Тарасом), а только ради Жени. «Ты не должна жить одна, так ты скорее сойдешь с ума. Так и быть, я поживу у тебя, после-жу, чтобы с тобой было все в порядке, чтобы ты не наделала глупостей... Пойми, ты сейчас одна, у тебя много денег, а ты добрая, такая добрая, что снимешь с себя последнюю рубашку и отдашь первому встречному, кто тебя попросит об этом. Я твоя подруга и не могу допустить, чтобы кто-то воспользовался твоей добротой. Как ты понимаешь, мы с Тарасом спокойно могли бы снять квартиру и жить отдельно ото

всех, но я объяснила ему, что ты нуждаешься в помощи... Так что за тобой – должок...»

И действительно, в первые дни, что Ирина жила в ее квартире, Женя испытала чувство, похожее на облегчение: рядом был человек, который знал ее, который понимал все, что с ней происходит... И Герман, точнее, его призрак, стал приходить реже, и Женя стала крепче спать... Но когда появился Тарас, причем он заявился с большущей спортивной сумкой, в которой был весь его гардероб плюс боксерские перчатки, которые он сразу же с хозяйским видом повесил в гостиной на стену, Жене стало немного не по себе... В ванной комнате корзина сразу же набилась его грязным бельем, которое Ирина стирала порциями в стиральной машине. Словом, квартира ожила, заполнилась нормальными человеческими звуками, голосами, запахами готовящейся еды (Ирина готовила для своего Тараса щи и супы, жарила картошку и даже пекла пирожки). Она быстро освоилась не только в «своей» комнате, но и в кухне, и в ванной. Начинала сразу несколько дел, торопилась, еда у нее часто пригорала, серая бульонная пена, поднимаясь из кастрюли, заливала всю еще недавно сверкающую итальянскую плиту, а на полу в кухне постоянно под ногами хрустели то капустный сор, то луковая шелуха... Женя от нечего делать помогала ей, чтобы как-то убивать время. Ирина никогда не звала ее обедать вместе, зато каждый раз, выходя из-за стола, стучалась к ней в спальню и говорила, что на плите суп, котлеты... Женя не

обижалась, считала, что так действительно будет лучше, она и сама постеснялась бы есть в присутствии Тараса. Иногда она представляла себе, что в квартире она по-прежнему живет одна, что кругом тишина, порядок и чистота, и спрашивала себя, как бы ей хотелось жить: как прежде или как сейчас? Но отвечала себя каждый раз по-разному. То ей хотелось, чтобы Ирины с ее любовником не было, то, когда ей становилось не по себе от охвативших ее страхов, она даже радовалась присутствию в квартире чужих людей. А то, что Ирина с Тарасом были да и всегда будут оставаться чужими, она никогда не сомневалась...

Иногда по вечерам к ним заходил Бим. Он приносил закуску, выпивку, они вдвоем запирались у себя в комнате, включали музыку и отдыхали. Судя по количеству пустых бутылок, которые Женя находила утром на кухне, пили они много. Бим иногда уходил от них под утро, а иногда и оставался до утра. Женя понять не могла, где он спит, ведь диван в кабинете был всего один. Видимо, на полу...

Вскоре и Ирина бросила свою работу в музыкальной школе и устроилась к Биму, как она выражалась, «под крылышко». Выполняла его поручения, ездила на встречи с клиентами, куда ее возил Тарас, и стала получать неплохие, судя по ее счастливому виду и изменившемуся образу жизни, деньги. В холодильнике стали появляться деликатесы, а домашние ужины сменились ресторанами. Ирина стала как-то поспокойнее, располнела, а через некоторое время и вовсе за-

явила Жене, что беременна и собирается развестись со своим мужем и выйти замуж за Тараса. Жене не оставалось ничего другого, как порадоваться за подругу. Шли дни, месяцы, Женя и сама стала приходить в себя, все реже и реже делала записи в своем дневнике, а к Герману обращалась лишь в ночные часы, мысленно подолгу разговаривая с ним и спрашивая его совета, и, как правило, получала ответ. Понимала, что ведет себя неестественно, но успокоиться не могла, не верила, что он мертв.

Они познакомились два года тому назад на Кипре, это был веселый курортный роман, закончившийся пышной свадьбой и обещавший долгую и счастливую жизнь. Оба были влюблены, ходили, обнявшись, и думали только друг о друге. После свадьбы резко сократили свои визиты к знакомым, приемы и все свободное время проводили только вдвоем. Еще тогда Женя подумала, что так не бывает, что невозможно вынести такое количество счастья, что любовь переполняет ее, что желания ее иссякли и что жизнь не может держать ее в постоянно расслабленном, блаженном состоянии. Должно быть, поэтому Герман и исчез. Отправился в командировку в Кению, снимать львов, – и пропал. Прошел месяц, другой, а он так и не дал о себе знать, если не считать звонка из аэропорта Найробы, что, мол, долетел, все в порядке, люблю, целую. Кажется, это было в другой жизни, пропитанной запахами любви, миндальных печений и яблок – крошки

и яблочные огрызки каждое утро выгребал из постели Герман, смеялся тому, как странно они ужинают, и обещалкупить точно такие же печенье и яблоки... С тех пор как его не стало, Женя не съела ни одного яблока... Райские дни закончились, она стремительно летела в ад, и Ирина, сама этого не подозревая, толкала ее в спину... Ну зачем она поселилась в ее квартире, где всей своей бурной, почти семейной жизнью вытеснила запахи хозяев, какое право она имела забеременеть и выселить Женю из спальни («Тебе же все равно, где валяться на кровати и смотреть телевизор, мы с Тарасом переселимся в спальню, а когда к нам будут приходить гости, то станем принимать их в гостиной»). Как могла она воспользоваться слабостью хозяйки, ее душевной болезнью, чтобы занять квартиру и пользоваться ею, как собственной? Да еще и под предлогом того, что она тем самым приносит себя в жертву и делает все это исключительно ради Жени. Странно было бы предположить, что она не понимала, что делала, что Женя не прозреет и не поймет, что ее обманули, что ее болезнью воспользовались, а это означало, что Ирину отношение Жени ко всему происходящему интересовало меньше всего. Да и с какой стати она должна переживать за Женю, когда в ее собственной жизни произошли такие изменения, ведь она все-таки решилась бросить мужа и сойтись с Тарасом! Разве не к этому призывала ее в свое время уравновешенная и здоровая Женя, еще до знакомства с Германом... Кто бы мог подумать, что ее решительность

когда-нибудь отразится на жизни самой Жени таким вот вероломным способом!

Подтверждение своим мыслям она услышала как-то раз от человека, от которого меньше всего можно было бы этого ожидать. От Бима! Как-то раз во время обеденного перерыва, когда они сидели в кафе, он вдруг прямо спросил ее:

– Какого черта ты позволила этой суке поселиться у тебя? Я слышал, она беременная, а это означает, что с ребенком ты вряд ли ее когда-нибудь выселишь... Зачем тебе все это? Свою депрессию ты уже давно пережила, ты уже здорова, к тебе, слава богу, вернулся аппетит, да и выглядишь ты замечательно. Я так думаю, что она намеренно может внушать тебе, что ты больна, ей это выгодно...

К счастью, нашелся человек, который наконец-то называл вещи своими именами. Женя слушала чуть ли не со слезами на глазах.

– Вы тоже так считаете? Понимаете, Ирина – моя подруга, ей нелегко пришлось со своим мужем... А тут такая любовь, я решила, что ей нужно помочь...

– Ну, правильно! А она, в свою очередь, внушила тебе мысль, что это прежде всего необходимо тебе самой, ведь так?

– Так, – вынуждена была согласиться Женя. – И что же мне теперь делать?

– Принимать решительные меры. Просто взять и сказать, что ты больше не нуждаешься в ее обществе, что ты не хо-

чешь, чтобы она жила вместе со своим любовником в твоей квартире, и все. Если на нее это не подействует или же если она, к примеру, согласится, сделает вид, что собирается выселиться, а на самом деле будет просто тянуть время, ты только скажи мне, и я поговорю с ней... Хотя чего ждать? Я могу поговорить с ней прямо сегодня. Мне это ничего не будет стоить.

Женя слушала его, кивала головой, испытывая к этому толстяку в его вечном «желтковом костюме» невыразимое чувство благодарности уже хотя бы за то, что он так хорошо понимает ее и не осуждает за то, что она, делая вид, что ее все устраивает, на самом деле хочет избавиться от навязчивой Ирины.

– Я буду рада, если вы поговорите с ней, – призналась она, – у меня в последнее время такое чувство, будто бы это я живу у нее на квартире, а не наоборот...

– Она сучка, эта Ирина, разве ты не видишь?

– Но вы же как бы дружили с ней... с ними... Приходили в гости...

– У меня дома были неприятности, мне просто некуда было идти, – вдруг сказал Бим. – В каждой избушке свои погремушки, как говорится. И у меня дома могут быть проблемы. И не только дома...

Он вздохнул, и Женя почувствовала, что впервые за все то время, что она жила без Германа, ей по-настоящему захотелось кому-то довериться и одновременно помочь.

После обеда Ирина явилась откуда-то радостная, видимо, с хорошими новостями, и влетела в кабинет Бима с явным намерением обрадовать его. Вышла же она оттуда довольно скоро, остановилась возле стола Жени и смирila ее холодным взглядом:

– Зачем на меня начальству жалуешься? Разве сама не могла сказать мне, что мы с Тарасом тебе в тягость?

– Ира...

– Что «Ира»?! Когда Ира тебе была нужна, ты по-другому пела... Ну что ж, сегодня же начнем собираться, а завтра уедем. У Тараса, слава богу, своя квартира имеется, правда, он ее сдавал... Но эту проблему мы постараемся решить уже сегодня... Спасибо тебе, подружка...

Она крутанулась на каблуках и, задрав голову, явно переигрывая, вышла из приемной. Женя могла бы крикнуть ей вслед, что она не торопится, что пусть они с Тарасом решают свои проблемы не спеша, но вовремя остановила себя, вспомнив, что сказал об Ирине Бим. С такими людьми, как она, решила для себя Женя, лучше не церемониться и поступить так, как удобно в первую очередь ей, а не Ире. Ирина ушла, а где-то внутри Жени поселилась надежда на то, что уже в самое ближайшее время в ее квартире снова воцарятся тишина и покой, что из ванной комнаты исчезнут чужие туалетные принадлежности и мокрые полотенца и корзина для грязного белья опустеет, а холодильник исторгнет из себя тонны подсохшей колбасы и протухшей рыбы...

Женя уже представляла себе, как приводит в порядок свою квартиру, как избавляет ее от коросты грязи – свидетельства пребывания в ней чужих и бессовестных людей. Конечно, ей предстояло еще пережить тяжелый вечер, когда Ирина с Тарасом будут метаться по квартире, собирая свои вещи и непременно зло комментируя свой неожиданный для них уход. Будут высказаны слова неблагодарности, быть может, даже в ход пойдет грубость, нелицеприятные выражения, Женя не могла знать, как именно поведет себя ее теперь уже бывшая подруга, а потому готовилась к самому худшему. Но был один вариант, который помог бы ей избежать неприятных минут: провести вечер у соседки Ларисы. В случае, если у Ирины возникнут какие-то вопросы, Женя будет рядом, зато, находясь у Ларисы, она не будет видеть, как Ирина с Тарасом укладывают вещи, как переругиваются... Это был выход. Она позвонила Ларисе и коротко обрисовала ситуацию. Лариса отреагировала неожиданно: «Без проблем, можешь оставаться у меня сколько угодно, но только я бы на твоём месте проконтролировала, не вынесут ли эти людишки что-нибудь из твоего личного имущества... Ведь у тебя же не дом, а музей – столько дорогих вещей... Может, лучше я к тебе приду, сядем на кухне, попьём чайку, а? Думаю, так будет лучше. И тебе не страшно, они не станут в моем присутствии распускать языки, и сама увидишь, что они в конечном счете вынесут из квартиры... Я помогу тебе».

Женя поняла, что этот вариант намного лучше, тем более

что она и без того знала, что Ирина поворовывает, по мелочи, конечно, но все равно: исчезло несколько Жениных личных вещей, двести долларов из горки с посудой, замшевая сумка со стразами, перчатки, комплект серебряных ложек, музыкальные диски...

Вечером по дороге домой она купила пирожные, чтобы было чем угощать Ларису, но все равно поднималась на лифте с тяжелым чувством: ей была неприятна вся эта процедура сборов и дальнейшего выселения... Но эта история с Ириной послужила ей хорошим уроком, она уже знала, что никогда, ни при каких обстоятельствах не станет впускать к себе кого бы то ни было. Однако понимала она также и то, что эта ее ошибка сделала и благое дело – отвлекла ее от смерти Германа. Или от его исчезновения... Она немного ожила, стала приходить в себя.

Лариса ее поджидала, открыла дверь сразу же, улыбнулась ей: мол, не переживай, все будет нормально. Она тоже была не с пустыми руками.

– Элитный зеленый чай, – она всучила Жене красивую банку. – Так что будем пить чай, пока не лопнем, пока эти чудики не покинут твою квартиру... А то, гляжу, совсем уже охамели, поселились у тебя, как родственники... Бесплатно, да еще, говоришь, потеснили тебя основательно, ребенка ждут! А ты здесь при чем? Это они сделали этого ребенка, вот пусть сами о нем и заботятся. Вот люди, воспользовались твоим угнетенным состоянием... Ты бы сразу мне сказала, я

бы и дня не позволила жить у тебя этой Ирине.

Так, переговариваясь, они подошли к двери Жениной квартиры, Женя достала ключи и открыла. Как она и предполагала, квартира была словно выпотрошена: повсюду валялись какие-то сумки, пакеты, коробки... Ирина влетела в прихожую и вдруг остановилась как вкопанная, увидев перед собой, кроме Жени, еще и Ларису.

– А это кто? – не выдержав, спросила она, тяжело дыша. По-видимому, она паковалась в быстром темпе, на взводе, зло и раздраженно собирая по всей квартире вещи и мысленно бросая в адрес своей обидчицы, твари неблагодарной, матерные слова, поэтому, когда вдруг ей представилась возможность высказать все это реально, вслух, она была несколько раздосадована, увидев на пороге рядом со своей мишенью – Женей – неожиданного свидетеля – размалеванную девушку с внешностью фотомодели и непроницаемым лицом хищницы.

– Ты собираешься, вот и собирайся себе, – отбрила ее Лариса, двигаясь прямо на нее, словно намереваясь сбить Ирину с ног. – Пойдем, Женя, что-то здесь потом воняет...

Женя, не чувствуя ног, пошла вслед за Ларисой на кухню, машинально поставила греться чайник.

– Я сейчас, – вдруг сказала Лариса и вышла из кухни.

И вскоре Женя услышала:

– Значит, так. Я – подруга Жени, она пригласила меня помочь ей проконтролировать процесс ваших сборов... Как вы

понимаете, вам посчастливилось жить в квартире не бедной девушки, в квартире полно дорогих, я бы даже сказала, драгоценных вещей, а потому, прежде чем вынести свои сумки и коробки из квартиры, вы должны будете показать их хозяйке. Не думаю, что в этом есть что-то унижительное, уверена, будь вы на ее месте, поступили бы точно так же...

– Ты кто такая? – раздался низкий и грубый голос Тараса.

– Я подруга Жени, разве я неясно выразилась?

Тарас разразился бранью. «Началось», – подумала Женя, и в грудь ей хлынул холод. Она так боялась всего этого...

– Будешь распускать руки, ты, скотина, – посажу, я не шу-чу! Закрой свой гнилой рот и пошевеливайся...

Женя так хорошо представила себе эту сцену, что даже глаза зажмурила: у Тараса и в самом деле был запущенный рот, да и вообще он был уродлив, страшен, и она не могла понять, что в нем такого могла найти Ирина, чтобы ради него бросить своего мужа. Разве что он сильно любил ее и она полюбила его за его любовь к ней? Этот грубый, похожий на обезьяну Тарас просто обожал Ирину, и Женя, живя рядом с ними, не могла этого не видеть.

На грубость Ларисы он, к удивлению Жени, лишь побледнел, но пререкаться не стал, грузно повернулся и вышел из комнаты. Она еще подумала тогда, что, по-видимому, угроза ее соседки попала точно в цель: быть может, у Тараса были проблемы с органами?

К девяти часам вечера все вещи были собраны и просмотр-

рены Женей. Ирина успела «зацепить» лишь фотоаппарат Жени (она извинилась и сказала, что перепутала, думала, что это ее). Под нажимом Ларисы выяснилось, что квартира Тараса уже освобождена и что переезд нет смысла откладывать на завтра. И вот в половине десятого за ними наконец закрылась дверь, и Женя бросилась обнимать свою спасительницу.

– Лариса, Лара, спасибо тебе, у меня просто нет слов... Не представляю, что бы я без тебя делала...

– Подсчитывала бы убытки, – развела руками Лариса. – Поверь, мне ничего не стоило это сделать. Я умею разговаривать с подобными людьми. С ними надо обращаться грубо и жестко, иначе они не понимают. Но ты бы так не смогла, это точно... Ну что, я пойду? Мавр сделал свое дело...

– Мы же толком чай не пили, ты все время ходила за ними по пятам...

– Ничего, дома попою. Я, если честно, устала от твоих постояльцев. Словно до сих пор слышу их голоса... А ты в следующий раз никого сюда не пускай. Проветри квартиру, приберись и живи себе спокойно... От Германа ничего не слышно?

– Нет.

– Ты не раскисай, если его не нашли, он может быть еще жив... Ты же сама говорила, что он в Африке, а это огромный континент, там легко потеряться...

– Думаешь, его львы съели?

– Лучше львы, чем люди, – заметила Лариса, поцеловала

Женю и ушла.

5

Усадьба

Они осмотрели дом и в одной из двух спален обнаружили еще два трупа: мужской и женский. Если бы не остальные четыре трупа, можно было бы подумать, что драма разыгралась именно в спальне, поскольку в руке застреленного в висок мужчины был пистолет. Картина выглядела вполне убедительно: мужчина, перед тем как застрелиться сам, убил женщину. Женщина лежала на кровати на спине, среди белоснежных шелковых подушек, в черном вечернем платье. Пуля вошла в грудь, вероятнее всего, в сердце. Помада на губах женщины была размазана, да и губы застыли в какой-то блаженной улыбке, отчего Герман сразу же предположил, что мужчина, перед тем как убить женщину, целовал ее и, возможно, говорил нежные слова. Дмитрий согласился. Мужчина, полный, даже грузный, тоже был одет к балу: черный костюм, белоснежная сорочка, бабочка, так нелепо сейчас упиравшаяся в толстые серые отвислые щеки... Больше в доме никого не было.

Они вернулись в бальную залу. Выпили. Кукла, изображавшая пианистку, теперь тоже напоминала труп. Музыка смолкла, видимо, закончился диск.

— Мне думается, что из-за снегопада нам придется пожить

в этом доме, – тихо проговорил Дмитрий. – В холоде сидеть нет смысла, мы можем простыть... Следовательно, нам придется отапливать дом.

Мы обнаружили, что, помимо этого камина, дом оснащен довольно-таки современной системой парового отопления...

– Да мы же с вами видели котел в бойлерной за кухней... Он исправно работает... Камин – это так, для красоты, для живого огня...

– Правильно... Но трупы начнут разлагаться.

– Их надо вынести из дома на холод. Завернуть в простыни, я знаю, где находится шкаф с бельем...

– ... и позвонить в милицию...

– Они все равно сюда не доберутся. Предлагаю с милицией повременить. Ведь еще не ясна моя роль в этом кровавом спектакле... Я-то цел и невредим. Как я здесь оказался? Почему меня не убили?

– Думаю, просто не заметили или не успели. Тот мужчина, что застрелил женщину, я предполагаю, и есть убийца всех остальных... Все же и так понятно. Но вы правы, с милицией здесь спешить не стоит. Мне бы тоже не хотелось, чтобы меня задержали и бросили в камеру предварительного заключения. Тем более я там уже был однажды... Меня перепутали с каким-то типом, похожим на меня... Помнится, меня даже били, а потом, когда выяснилось, что я ни при чем, перед тем как отпустить, попросили денег... Такое не забывается.

– Да уж...

– Значит, сделаем так. Вы приносите простыни, мы заворачиваем в них тела и выносим из дома, укладываем в снег или под какой-нибудь навес, что-нибудь придумаем... Я, честно говоря, не собирался покидать дом до утра...

– Боитесь?

– Боюсь. Я просто уверен, что существует еще один труп... Но в доме наверняка имеется фонарь... Действуйте, Герман. Знаете, я сейчас только понял вас...

– Что вы имеете в виду?

– Я бы тоже хотел, чтобы это был сон.

Германа колотило, когда он заворачивал молодую женщину в простыню. Руки не слушались его, голова кружилась, и тошнота подкатывала к горлу. Дмитрий предложил ему еще выпить.

– Самое ужасное, что это не сон, – говорил Дмитрий, подтаскивая белый кокон с трупом мужчины к порогу, а оттуда – к лестнице. – И что эти люди – реальные. Даже более, чем это можно себе представить. Я уверен, что в тех сумочках, что мы нашли на стульях в зале и внизу, в гардеробной, есть документы, сотовые телефоны, с помощью которых можно определить личности убитых. В карманах костюмов мужчин тоже наверняка есть документы...

– Тогда какого же черта вы не осмотрели костюм этого парня? Разворачивайте, посмотрим... И не смущайтесь, если найдете там деньги, это же нормально, естественно... И

деньги берите, мало ли что, может, нам придется нанимать машину или кого-то подкупать... Кстати... – С этими словами Герман полез в свой карман и достал оттуда портмоне, дрожащими руками развернул его и обнаружил там, помимо кредитной карточки, голубоватые купюры русских тысячных и приличную пачку стодолларовых банкнот. – Нет, не берите чужих денег, у меня, оказывается, и своих достаточно... Знаете что, Дмитрий, мы вот все бродим по дому, натываемся на трупы и спрашиваем себя: кто бы и за что мог убить столько человек, а ведь главный вопрос, для меня, во всяком случае, – каким образом я-то сам попал сюда, что забыл в этой усадьбе и кто пригласил меня сюда? Я никогда прежде не видел этих людей, что я мог здесь забыть? Знаете, что самое страшное во всей этой истории?

– Здесь, по-моему, все страшно...

– Так-то оно так, но я больше всего боялся обнаружить здесь свою жену... Женю... Как могло такое случиться, что я приехал сюда один? Зная, что здесь будет, к примеру, бал, я не мог не взять Женю с собой...

– А вы позвоните ей и спросите, – спокойно заметил Дмитрий. – Телефон-то у вас, надеюсь, есть?

– Не знаю, как вы, но я сейчас какой-то заторможенный, и у меня явно что-то с головой... Почему я до сих пор не порылся в карманах, не искал ни денег, ни телефона?

Он похлопал себя по карманам и достал новенький серебристый телефон.

– Вот черт, он мертв, как и все вокруг... В нем отсутствует сим-карта, да к тому же он и разряжен... Что за чертовщина?!

– Знаете, не очень-то хорошая ситуация, и мне бы не хотелось говорить об этом, но у вас налицо все признаки потери памяти... Вы ничего не помните, Герман.

– Как это я не помню? Помню. К примеру, то, что меня зовут Германом. Что мою жену зовут Евгения и она настоящая красавица.

– Где вы живете?

– В Москве, конечно...

– Чем вы занимаетесь?

– Я? Оператор. Я снимаю животных, делаю фильмы...

– А чем занимается ваша жена?

– Ничем. Она просто моя жена и сидит дома. Нет, я не тиран какой, это она сама приняла такое решение. Но, думаю, она вскоре определится и сама решит, что ей нравится... Может, поступит в университет...

– У вас есть дети?

– Пока нет, но, я надеюсь, будут. Во всяком случае, мы с женой очень этого хотим. Дмитрий, не смотрите на меня как на сумасшедшего... Вы не верите, что у меня есть жена? Взгляните... Вот этот снимок я всегда ношу с собой в портмоне...

Он снова раскрыл мягкий кожаный бумажник и показал фотографию своей жены. Дмитрий увидел нежное девичье

лицо с большими темными глазами.

– Все? Теперь вы убедились, что никакой памяти я не терял, что со мной просто кто-то сыграл злую шутку, пригласив сюда?.. Знаете что, а ведь со мной могла произойти точно такая же история, что и с вами...

– В смысле?

– Вы вот как, скажите на милость, оказались в этом доме?

– Можно сказать, что заблудился, что из-за метели не смог добраться до нужного мне места...

– Правильно! Так почему бы и мне не оказаться здесь по такой же причине? Иначе как я могу объяснить свое пребывание в доме, где я никого не знаю?

– Но, смею напомнить, что я-то, в отличие от вас, отлично помню, как оказался здесь, как увидел этот дом, как познакомился с вами, хотя до сих пор не был с вами знаком.

– Видимо, я оказался здесь в неподходящее время. Откуда мне было знать, что здесь начнут стрелять? Я мог случайно приехать сюда, просто что-то напутать, не туда свернуть и, вместо того чтобы оказаться у своих друзей...

– У каких друзей? Имена, фамилии?

Герман смотрел на Дмитрия со смешанным чувством страха и удивления: он действительно не помнил, куда он ехал и зачем и, главное, как оказался в этом доме.

– Так вы признаетесь в том, что ничего не помните, помимо собственного имени и того, что в вашем бумажнике – фотография вашей жены Евгении?

– Я не готов пока ответить на ваш вопрос... Все это не так-то просто... Давайте работать, я не могу разговаривать, находясь рядом с трупами... Вы нашли в кармане этого парня какой-нибудь документ?

– Да, вот, смотрите... Водительские права на имя Сперанского Ефима Даниловича. Судя по фотографии, это действительно он...

– Выносите его уже поскорее, иначе он начнет портиться...

Вот теперь Герман чувствовал, что с ним происходит что-то неладное. Он никогда прежде не слышал этого имени. Сперанский? Ефим Данилович?..

– Между прочим, не такой уж он и молодой, – вдруг сказал Дмитрий. – ему сорок шесть лет, а выглядит как мальчик... Уверен, ему сделали не одну пластическую операцию... Посмотрите, вот шрам за ухом... Ему кожу натягивали...

– Лучше бы ему на задницу натянули... Кто он такой и зачем ему делать операцию, когда он и так худощав, моложав... Развлечение себе нашел... А я ведь его за парня принял...

– Вы не женщина, не думаю, что вы разочарованы...

– Какой черный юмор! Заворачивайте вашего моложавого и выносите вон из дома... А я в это время займусь девушкой. Надо же, с виду такая худенькая, а тяжелая!

Герман с трудом спустил свою ношу вниз, стараясь не смотреть на расprostертое на ступенях тело женщины в зе-

леном платье.

— Или мне показалось, что под складками платья я увидел книгу... Какая интересная дама, вместо того чтобы танцевать на балу или предаваться разврату, как это делала ее подруга в спальне с убийцей, она почитывала... Интересно, и что же это за книга?

Дмитрий, который нес труп Ефима Сперанского, приостановился и тоже взглянул на даму в зеленом. На самом деле, рядом с ее платьем он увидел небольшую, в темном переплете книгу.

— Давайте отнесем этих двоих, а когда вернемся, тогда и взглянем на книгу... Уверен, это какой-нибудь дамский роман. Или же, что менее вероятно, какая-нибудь модная книжица по психологии или типа «Как выйти замуж за миллионера».

Дмитрий распахнул дверь из небольшого темного тамбура во двор, и в лицо ему сразу же хлынул морозный свежий воздух, чистый и сладкий, он даже закашлялся. Он щелкнул выключателем, и часть двора округло осветилась желтым электрическим светом. Оставив труп на полу тамбура, он сначала протоптал дорожку, ведущую в дровяной сарай, с трудом расчистил вход, открыл дверь и, зажмурившись, сунул голову внутрь... Свет, льющийся с улицы, осветил ровные стопки аккуратно уложенных дров. И ни одного трупа. К счастью. Пол в сарае был деревянный, но промерзший, что тоже было очень кстати: уложив трупы на пол, можно было быть уве-

ренным в том, что они замерзнут и не станут разлагаться.

– Идешь? – крикнул он, увидев Германа, с трудом тащившего на себе труп девушки. – Кладите вот сюда, а я сейчас Сперанского принесу... Как же странно... Знаем имя человека, а поговорить с ним не можем...

– Ну и мысли у вас, честное слово...

Четыре трупа перенесли в дровяной сарай за полчаса, оставалось привести в порядок и завернуть в простыни парочку из спальни.

– Они явно были любовниками, – рассуждал Дмитрий, складывая руки и ноги женщины вместе, соединяя их, чтобы потом под спину, влажную от крови, подсунуть край простыни. – Грязная работенка, – пожаловался он, глядя, как Герман, совсем бледный, с трясущимися руками проделывает то же самое с трупом мужчины. – Ты посмотрел его документы?

– Да, Борисов Иван Михайлович. Толстый и тяжелый. Это ему не помешало бы сделать пластическую операцию, выкачать жир... Смотрите, у него и брюки расстегнуты, намерения его по отношению к этой женщине поначалу были как будто самые смелые и понятные... Зачем же он пристрелил ее?

– Я предлагаю брюки не застегивать, – вдруг вполне серьезно предложил Дмитрий. – Понимаете, эти расстегнутые брюки свидетельствуют о том, что женщину застрелил все же не он... Он собирался заняться с ней совершенно другим, разве непонятно? И ее размазанная помада на губах... Они

целовались, он лапал ее вот этими жирными ручищами, пока в спальню не вошел тот, кто имел на эту женщину, по-видимому, больше прав... И застрелил обоих. Потом вложил пистолет уже с вытертыми отпечатками собственных пальцев в руку толстяку, Борисову Ивану Михайловичу. Ну, как вам моя версия?

– Принимается. Я тоже не могу себе представить мужчину, который одной рукой расстегивает ширинку, а другой держит пистолет...

Шесть белых коконов, шесть трупов, шесть оборванных жизней, шесть витающих над усадьбой беспокойных душ. В ледяном дровяном сарае они будут находиться до тех пор, пока кто-то не сообщит о трагедии, разыгравшейся в этом страшном доме, в милицию. И вот тогда эта роскошная усадьба наполнится уже другими людьми, которые будут спрашивать у себя – как же так могло случиться, что кто-то, во-первых, убил их, во-вторых, сложил в сарай, предварительно укутав в простыни? Кто были убийцы и кто принес трупы в сарай?..

– Который час? – спросил Герман, устроившись на лестнице, как раз в том самом месте, где недавно коченело тело дамы в зеленом платье. – Новый год уже наступил или нет?

– Без четверти двенадцать. Через пятнадцать минут, если не случится конца света, наступит Новый год... И наш президент поздравит нас, и будут бить куранты, и мы с тобой, – он все же перешел на «ты», уж больно сблизил их эта усадь-

ба, – как идиоты, будем пить шампанское и желать друг другу не влипнуть в эту кровавую историю, ведь так?

– Так. А эти шестеро не дожили... А ведь собирались, наряжались, хозяин дома нанял даже кухарку, чтобы накрыла на стол... Все было так красиво, чинно, и кому только понадобилось устраивать эту бойню?

– Думаю, это алкоголь. Они слишком рано начали праздновать. Напились, как свиньи... Эта женщина, что в черном платье, спустилась в спальню, где ее уже поджидал толстяк... Они даже представить не могли, чем закончится для них это уединение... Так что это за книга?

– Представляешь, какой-то роман. Называется «Холодные цветы одиночества». Ну и название... Автор – женщина, какая-то Ольга Закревская. Ты когда-нибудь слышал о таком авторе?

– Нет. Сейчас таких авторов – как собак нерезаных. Расплодились. Сидят себе дома и строчат один роман за другим...

– А что в этом плохого? Я бы и сам написал, если бы мог. Герман перевернул книгу и увидел на обратной стороне фотографию автора. Зажмурился и мотнул головой.

– Это ее книга... Эта женщина, что лежала здесь на лестнице, и есть Ольга Закревская...

– Она – автор этой книги?

– Ну да! Взгляни на фотографию... Даже прическа та же. Красивая баба, ничего не скажешь... Вот ведь как случается

в жизни: написала книгу – и умерла.

Дмитрий принялся листать страницы, вертел книгу до тех пор, пока не сказал:

– Она только что вышла... И, если я что-то понимаю в писателях, она собиралась подарить каждому из присутствующих гостей экземпляр. Или уже подарила, или только собиралась. А как же иначе? Она не могла не блеснуть перед гостями и не похвастать... Хозяйка ли она была в этом доме или гостя – без разницы. Вот помяни мое слово: еще семь книг как минимум мы должны обнаружить в доме или же в машине, в которой эта дама приехала сюда на свою погибель... Подожди... семь... Мы решили, что в усадьбе было изначально восемь человек... Почему?

– Так стол же накрыт на восьмерых!

– Значит ли это, что хозяин был столь демократичен, что решил пригласить за стол и кухарку и, возможно, того, кто присматривал за домом, человека вроде слуги?..

– Да что ты пристал со своим слугой?! Откуда тебе знать, был он или нет, а если и был, то с какой стати его сажать за стол?

– Я ничего не знаю, я лишь предполагаю. Но давай рассуждать здраво: восемь приборов на столе, так? Мы нашли шесть трупов. Ты – седьмой...

– Но я пока еще не труп...

– Но ты – из числа приглашенных, ты и одет подобающим образом... Из дома в такой снегопад выйти никто не мог,

значит, существует и восьмой человек. А почему я решил, что это мужчина, отвечающий за порядок в доме, так это очень просто: не станет же сам хозяин или кто-то из приглашенных мужчин таскать дрова, отвечать за электричество на празднике... И кухарка этого тоже не станет делать, она и так постаралась, вон какой стол накрыла.

– И ты по-прежнему думаешь, что он где-то на улице, занесенный снегом?

– Стоп. Мы не были еще в гараже... Думаю, что именно там может находиться автомобиль хозяина, поскольку остальные машины стоят возле дома, занесенные снегом...

– Сколько машин ты успел рассмотреть?

– Кажется, три. Если бы знать, есть ли среди гостей супружеские пары, то можно было бы предположить, что на трех машинах прибыло как минимум шестеро. Хозяин, кухарка и слуга (условно назовем так этого человека), жена хозяина, если она здесь присутствует, вернее, присутствовала, находились в доме и встречали гостей.

– Но тогда людей было бы девять...

– Нет, просто на машинах прибыло пятеро или вообще трое, только те, кто был за рулем, остальные могли приехать на такси... Все это мы узнаем завтра, когда раскопаем машины, попытаемся открыть их и посмотрим документы водителей. А сейчас пора встретить Новый год... Ты как, не против?

– Без телевизора как-то непривычно...

– Да здесь вообще все как будто непривычно... – заметил Дмитрий. – А мы попросим нашу даму что-нибудь сыграть...

– Еще это чудело! – воскликнул в сердцах Герман. – Что здесь делает эта кукла?

– Часть декорации... Что еще она может здесь делать?

– Только, пожалуйста, не надо Шопена... Посмотри, может, есть другой диск, что-нибудь веселое или насмешливое...

– Не понял...

– Джаз! – огрызнулся он. – Пусть хотя бы музыка посмеется над нами... Блин, ну надо же так влипнуть!!! Какого черта я-то здесь оказался? Кто меня пригласил? Кто здесь хозяин?

– Все, хватит истерик... Садись за стол... Вернее, приберись немного, убери грязные салфетки, огрызки-объедки, тарелки, осталось всего пять минут, а я подберу музыку...

– Значит, встретим Новый год без президента, какой кошмар... Я себе этого никогда не прощу...

– Не смешно...

– И Женьки нет... Какого черта я здесь делаю?! Ну почему, почему ее здесь нет?!

– Она умерла, – услышал Герман и застыл с жирной салфеткой в руке. Медленно повернул голову и увидел, как Дмитрий деловито роется среди рассыпанных на столике возле ноутбука дисках.

– Что ты сказал?! – Внутри у него словно застыл кусок льда.

– Спрашиваю, Стинг подойдет?

Отрывок из книги О.З.

«Холодные цветы одиночества»

«Милый, я так давно не писала тебе. Но это не потому, что я забыла тебя, нет, я постоянно думаю о тебе, мысленно обращаюсь к тебе и надеюсь, что очень скоро мы с тобой встретимся. Знаешь, у меня к тебе радостное известие: я жду ребенка! Представляешь, думала, что у меня на нервной почве задержка, а оказалось, что внутри меня живет еще один маленький Герман. Я так счастлива! Теперь, после того как я очистила квартиру от Ирины и Тараса, мы с нашим ребенком живем вдвоем. Я прихожу с работы, и мы слушаем музыку, я готовлю что-то легкое и питательное и постоянно представляю себе тот день, когда ты возвратишься из своей Кении или Гвинеи, я даже уже и не представляю, где ты снимаешь своих львов... Так вот, я представляю, как ты звонишь в дверь, ключи-то ты наверняка где-то потерял, звонишь, а я бегу к двери, чувствуя, что это именно ты, я должна непременно это почувствовать... Открываю дверь, а на пороге... ты. Заросший, с бородой, но такой же красивый, необыкновенно красивый, немного запыленный, а глаза твои зеленые полны слез, как и мои... Я запру за тобой дверь и целый месяц никому не открою. Мы будем с тобой только вдвоем...

Вернее, троим: ты, я и наш малыш. Ты спросишь, как я узнала о своей беременности? Случайно. Что-то слишком стала полнеть, и Бим, это мой начальник, думаю, я уже говорила тебе о нем, спросил, не беременная ли я. Так сказал, смехом... А я задумалась. Вспомнила, как мне было нехорошо, когда ты уехал, как меня тошнило, но я думала, что это от голода, от нервов, мне же тогда кусок в горло не лез... Словом, я сходила в аптеку, сделала тест... Завтра пойду к врачу, пусть посмотрит, скажет, как там у меня дела... Теперь все в моей жизни изменилось, я ожила, могу даже улыбаться. На работе у меня тоже все хорошо, с Бимом сложились отличные отношения. Но у него неприятности, он пока молчит, но я знаю, что дела у него плохи, какие-то жуткие долги, что кто-то его обманул, подставил... С Ириной у нас холодная война, мы же видимся каждый день, а это нелегко – встречаться с ней на работе да и с Тарасом тоже... Они со мной даже не разговаривают, но я и не переживаю... Хотя нет, переживаю, конечно, постоянно спрашиваю себя, правильно ли я сделала, поступив с ними так... Я же их унизила, когда пригласила соседку Ларису, она с ними не церемонилась, сказала, что с такими, как они, надо действовать грубо и наверняка. Кто знает, может, она и права? Да, забыла тебе сказать: Тарас бьет Ирину! Я несколько раз видела ее в темных очках, Бим сказал, что у нее лицо разбито, под глазами синяки, у Тараса тяжелая рука, что он безумно ревнует Ирину. Бим не сказал, к кому именно, но я подозреваю, что

именно к нему. Они, Бим и Ирина, слишком много времени проводят вместе. Это бросается в глаза. А что касается беременности Ирины, то мне кажется, она меня обманула, что ждет ребенка. Что ей просто хотелось пожить в нашей спальне... Но все это уже меня не касается. Главное – дождаться тебя, не раскиснуть. Ведь мне теперь нельзя нервничать. Герман, дорогой, как же я тебя люблю и жду...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.